

НФБ: МИРЫ ЕВГЕНИЯ ЩЕПЕТНОВА

Евгений ЩЕПЕТНОВ

ЧИСТИЛЬЩИК

**МОСКВА
2017**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Щ56

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*
В оформлении переплета использована работа
художника *О. Горбачика*

Щепетнов, Евгений Владимирович.
Щ56 Чистильщик : [фантастический роман] / Евгений
Щепетнов. — Москва : Издательство «Э», 2017. —
416 с. — (Новый фантастический боевик).

ISBN 978-5-699-99060-3

Никто не знает, кто он такой. Ни приемная мать, ни всемогущая ФСБ. Да и сам он тоже не знает. Его нашли младенцем возле сгоревшего «КраЗа», шофер которого погиб. Не удивительно, что когда найденыш вырос, у него открылись необычные способности. Главная способность — видеть зеленую ауру Тварей, человекоподобных существ, которые жить не могут, чтобы не издеваться и не убивать. Но видеть их мерзкую ауру мало, нужно еще научиться охотиться на них. И он — научился. Для Тварей было бы лучше, если бы они не трогали самого близкого для него человека...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Щепетнов Е.В., 2017
© Оформление.
ISBN 978-5-699-99060-3
ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

Не знаю — кто я такой. И никто не знает. Даже наша всемогущая ФСБ, способная пересчитать прыщи на заднице будущего президента США.

Мама пыталась разыскать мою родню, задействовала знакомых фээсбэшников, с которыми была дружна, которым не раз помогала за время своей работы следователем. Тогда они еще назывались «кагэбэшники». Или просто «соседи». Почему соседи? Потому, что «жили» они через стену, в одном и том же здании. Так вот ни «соседи», ни собственный розыск ничего не дали, — я не существовал. Нет, физически существовал, с 1970 года — тогда в наличии имелось тело ребенка примерно полугода от роду, но по документам — меня не было.

Как не было и моих родителей, погибших в жуткой автокатастрофе.

Со слов очевидцев, огромный бензовоз — «КРАЗ» — выскочил с второстепенной дороги на трассу и со всего размаху ударил «шестерку», в которой ехали мои биологические родители. В лоб ударил. А потом загорелся.

Не осталось ничего — только пепел, искореженный металл, запах гари. И я — валяющийся на обочине, тихо пищущий в куче грязного, покрытого жирной, страшной копотью снега.

Водителя не нашли. Говорили, что он сгорел в кабине «КРАЗа», что это вообще не водитель этой машины, а пьяный угонщик, но разве кому-то от этого легче? Мне, моим родителям — разве от этого легче?

Меня сберег ангел-хранитель — по крайней мере, так сказал знакомый священник, к которому мама отнесла меня, чтобы окрестить.

У мамы были (впрочем, и есть!) необычайно разносторонние связи во всех слоях населения — от уголовников и продавцов на рынке до священника, настоятеля храма Покрова Пресвятой Богородицы, кстати — ее бывшего «клиента». Она познакомилась с ним во время одного расследования (что-то связанное с кражей из храма) и много лет поддерживала дружеские отношения.

Кто были мои родители? Как они выглядели? Иногда мне думается — что было бы, если бы они остались живы?

Я бы не знал маму.

Я бы не поступил в юридический институт и не стал бы милиционером.

Я бы... да много чего я бы мог или НЕ мог, если бы бешеный «КРАЗ» не раздавил мою прежнюю жизнь, пройдясь по ней тяжелыми, грязными, жестокими шинами!

В истории нет сослагательного наклонения — «Что было бы, если бы». Оно так, как есть, и не может быть по-другому. Увы.

Поиск по номерам «шестерки» ничего не дал — люди, которые были указаны в регистрационной карточке автомобиля, никогда не жили по указанному в ней адресу и вообще не существовали на белом

свете. Мама тогда даже подумала, что это были какие-нибудь тайные агенты КГБ, «под прикрытием», как сейчас стало модно это называть. Но и поиск в КГБ ничего не дал. Нет таких людей, и все тут. И никогда не существовало.

Конечно, могло быть так, что информация о моей прошлой семье в ранге «Перед прочтением сжечь», но скорее всего — мои родители были преступниками, скрывающимися от правосудия. Если знать — как и к кому обратиться, даже в Советском Союзе, с его жесткой системой контроля и мощным правоохранительным аппаратом, можно было выправить нужные документы и скрыться, растворившись в трех сотнях миллионов жизней и судеб людей, большинство которых не знают и никогда не узнают о существовании друг друга.

Как я оказался у мамы? Да просто. Ну... для нее — просто. Как раз тогда она решила, что хочет ребенка. Почему сама не родила? Не могла. Так бывает... Был у нее муж, были другие мужчины, но детей не получилось. «Не дал Бог» — как говорят по этому поводу любопытные «скамеечные» бабки, провожая взглядом несчастливую соседку — вроде и красивую, и при хорошей должности, но вот... несчастливую, и все тут. Без семьи, без детей — какое счастье?

Мама всегда была женщиной «резкой», конкретной, со связями, особенно тогда — старший следователь РОВД. Задумано — сделано. «Дома малютки» по всей стране — обзвон через многочисленных знакомых, и вот он я — копошащийся в пеленках, пахнущий аммиаком комочек плоти.

Я пробыл в «доме малютки» дней десять, или около того, а потом... потом няни — одна за другой, лица

их я не помнил, кроме одной, тети Тани — добродушной дебелой селянки, обосновавшейся в столице и подрабатывающей нянькой у «богатых» москвичей. Почему я запомнил именно ее? Потому что был свидетелем того, как мама выгнала тетю Таню — со скандалом, буквально с треском, — и тогда я впервые узнал, насколько жесткой и даже жестокой может быть моя добрая, всегда тихая, спокойная мама, ни разу не повысившая на меня голос.

За что она выгнала няньку? За длинный язык, само собой. Та гладила меня по голове, приговаривая: *«Сиротка, бедненький! Плохо небось без мамки-то, да?»*

Сколько тогда мне было? Года полтора? Я уже умел говорить, и первое, что спросил у мамы, — кто такой «сиротка»?

Я не знаю, зачем нянька это сделала — от «большого» ума или нарочно, чтобы насолить следовательнонице (это потом мама узнала, что у няньки не так давно посадили брата), но факт был фактом — она заронила в мою душу подозрение, что со мной что-то не так. И когда я стал постарше и поумнее (мама тогда отказалась говорить насчет «сиротки»), выяснил, что же все-таки со мной — «не так». Тем более что доброхотов нашлось просто-таки «выше крыши» — начиная с бабок на скамейке у подъезда и заканчивая «добрыми школьными друзьями», не дающими забыть о происхождении человека без имени, без национальности, без судьбы.

Как ни странно, новость меня не потрясла. Настоящих родителей я не знал, не помнил и — честно сказать — не особо о них жалел. Абсолютно чужие мне люди. Может, хорошие, а может, и плохие. А вот

мама — она всегда рядом, ясная, прямая, как кол, и такая же опасная для врагов.

Ее побаивались, я знал об этом. И ненавидели. В школе учатся разные дети, и у них разные родители. Не все из родителей законопослушны, и нет школ специально для детей работников правоохранительных органов.

Если и детский сад не задержались у меня в памяти — какие-то бесформенные тетки в белых халатах, похожие на ожившие облака, вкусный запах из кухни — мне нравилась вермишель, зажаренная с яйцами, больше нигде в жизни я не ел такую вкусную вермишель!

Дети — как игрушки, игрушки — как дети. Горки, гулянье на улице, сон в деревянной кровати — обычно я оставался на продленку, мама много работала. Работа следователя — хлопотная работа, и с ней не до семьи.

Потом школа, первый класс — школу я ненавидел. Люто ненавидел! Ну, только представить — мальчишка-сирота, приемыш у следователя РОВД! Наглый «ментовский выкормыш» так и напрашивается на хо-рошенькую трепку!

И я получал. Приходил домой с разбитой физиономией, прятал ее от мамы. Почему-то мне казалось, что когда она узнает о том, как надо мной издеваются по дороге в школу и с занятий, — она возьмет служебный пистолет, пойдет и всех их застрелит. И ее посадят. И тогда я останусь один. Совсем один. Как клен с промерзшим стволом.

Я когда слышал эту песню, эти стихи, у меня почему-то слезы наворачивались на глаза — так было жалко этого клена, завязшего в сугробе и отморожив-

шего ногу. Я сразу представлял, что клен — это я, замерзаю на улице, а где-то далеко меня ждет мама и никак не может дождаться...

Само собой — мама меня сразу раскусила. Конечно, никакого пистолета она не достала, но в школе была, и мало никому не показалось. Мои обидчики имели очень бледный вид — как и директор школы, до которого дотянулись руки всемогущего гороно — страха и ужаса нерадивых директоров школ, допустивших во вверенных им заведениях хулиганский, не допустимый советской школой беспредел.

От меня отстали. Любви мне это от соучеников не добавило, но трогать теперь боялись — волшебные слова «детская комната милиции» действовали на хулиганов как волшебное заклинание.

Смешно, но мне, первоклашке-второклашке, эта самая «детская комната» представлялась чем-то вроде темного подвала, на стенах которого развешаны многочисленные орудия пыток и истязаний, а сами дети в этой комнате сидят в клетках, похожих на клетки зверей в передвижном зверинце — вонь, грязь, и исхудавшие физиономии хулиганов, отбывающих свой положенный судом срок!

Через некоторое время я убедился, что все это совсем не так, что тетенька в детской комнате милиции хотя и строгая, но справедливая, что сама комната — обычная комната с папками на полках, со стульями, сиденья которых засалены поколениями задов хулиганствующих огольцов, а сама постановка на учет суть формальность, которая ни к чему обычно не ведет. На учет можно было попасть и просто за разбитое стекло кабинета, и за взрывпакет, сделанный из алюминиевой пудры и марганцовки, — чем бало-

вался каждый второй, а может, и каждый первый едва вошедший в разум пацан.

Мама не ограничилась ковровой бомбардировкой учебного заведения, в котором мне предстояло промучиться десять лет. Как человек, который ничего не оставляет на волю случая и умеет просчитывать на несколько ходов вперед, она закономерно предположила, что скоро воронки от бомбежки засыплют, страх перед расплатой притупится, и преследование начнется с новой силой — только на уровень выше, так как обидчики подрастут, как и их обиды. Только теперь они будут умнее и подстерегут меня не в окрестностях школы и, возможно, даже не сами — мало ли какие друзья есть у малолетнего хулигана, иногда эти друзья куда как страшнее того, кто сам не решается напасть на свою жертву, само собой, заслуживающую страшной кары. А на фиг стучать на пацанов и натравливать «ментовскую» мамашу!

Конечно, потом все это закончится для недалёковидных придурков очень и очень плохо, но мне-то будет все равно — я останусь инвалидом или буду гнить в тесной могилке, под темным каменным обелиском с моей улыбочивой овальной фоткой, выцветшей под палящими лучами летнего солнца, ихлестанной осенними дождями и зимним морозным ветром. Нет, такая участь мою маму точно бы не устроила, и я сейчас думаю — скорее всего, она бы тогда точно пошла и перестреляла всю эту шелупонь.

Но мама очень умна и потому поступила единственно правильно и радикально — если в этом мире ценят силу, значит, надо быть сильным. И отправила меня в секцию бокса, к Тимофею Петровичу Солодкому, бывшему чемпиону Союза в тяжелом весе.

Помню, как я впервые появился в спортзале — до сих пор картина стоит передо мной, будто было все это только вчера — ринг, зал с мешками, острый запах пота и кожи перчаток, висящие на канатах бинты, которыми нужно бинтовать руки, прежде чем перчатки боксерские надевать.

И Петрович — громадный, эдакий Кинг-Конг, с ручищей, способной раздавить твою руку, если сожмет ее чуть покрепче. Если бы не травма, он стал бы олимпийским чемпионом, точно. Но... бокс не очень здоровая штука, хотя и полезная — особенно если тебя пытаются обидеть малолетние отморозки.

Кто ему была моя мама — не знаю. Вероятно, он тоже был одним из ее «клиентов». Должник по жизни. И ему она доверила самое дорогое, что у нее было, — сына.

Как ни странно, дела в секции у меня пошли очень хорошо. Да не просто хорошо, а замечательно! Вдруг обнаружилось, что я довольно силен, сильнее, чем все мои сверстники из «нулевой» группы секции. Более того, я обладаю резким, нокаутирующим ударом, и это — в свои восемь лет!

Когда обнаружилось впервые — честно сказать, я напугался. Спарринг с Володькой Дубининым, таким же спиногрызом, как и я, что может произойти в этом бою, когда мы занимаемся всего лишь седьмой месяц? Нам до сих пор вообще не разрешали спарринговаться, справедливо полагая, что проку от этого месилова бестолковых новичков никакого не будет — один вред! И вот мы на ринге, преисполнены торжественности момента. И первая же моя «двоечка» проходит на ура, и Володька валится на пол, буд-

то ему врезал не такой же оголец, как он сам, а парень года на четыре-пять постарше!

Переполох был! Петрович белый как мел! Только представить — восьмилетка в глубоком нокауте! Похоже, он мысленно уже сухари сушил. Готовился к отсидке.

Все закончилось хорошо, Володька оклемался, без последствий, но с тех пор меня ставили спарринговаться только с парнями старше меня года на три и больше. И то не обходилось без проблем: нокаун, нокаут — если работали в полную силу — совсем не был такой уж и редкостью. Я работал кулаками, как машина для забивания свай. И еще оказалось, что у меня невероятная скорость и малочувствительность к боли. Я переносил на ногах такие удары, которые свалили бы бойца раза в два старше, а если мне разбивали губу, ставили синяк под глаз — просто этого не замечал. Да и заживало на мне все как на собаке — все удивлялись, и в первую очередь тренер.

Петрович пророчил мне великое будущее, он говорил, что мальчишку с такими данными, как у меня, еще не встречал, что, если я буду работать как следует, тренироваться — олимпийское золото у меня в кармане.

Наверное, так бы и было, если бы Петровича не убили как раз после городских соревнований, на которых я выиграл нокаутами — вчистую, в первых же раундах, под рев ошеломленной толпы. Он погиб в своем подъезде, от удара шилом прямо в сердце, в спину.

Убийц так и не нашли. Поговаривали, что Петрович ввязался в игру на подпольном тотализаторе, проиграл большую сумму и его убили.

Я рыдал. Честно сказать, он мне был как отец, которого у меня никогда не было. Если бы я смог найти его убийц — растерзал бы на месте, забил до смерти. Возможно, тогда у меня окончательно утвердилась мысль пойти работать в милицию... Мне было шестнадцать, скоро конец учебе в школе, надо думать — кем быть, как жить, и вообще... чем быть в этом мире. Я люто ненавидел шпану, моя мама — следовательно, моего тренера подкололи отморозки — куда я еще мог пойти? Кем стать?

И, кстати, насчет шпаны — как и предполагалось, меня попытались достать уже через год после того, как мама навела террор в моей «дорогой» школе. Это были трое пацанов старше меня — по крайней мере года на два. Главный обидчик при этом маячил на горизонте, старательно делая вид, что не имеет к происходящему ровно никакого отношения.

Парнишки заступили мне дорогу с сакральным, набившим оскомину вопросом:

— Ты чо, внатури?! Ты чо тут ходишь, козел?!

Отвечать я не стал. Первым пал тот, что в середине — хлесткий выстрел правой рукой в солнечное сплетение и добивающий свинг слева, в висок.

Второй попытался дернуться, но тут же залился кровью от кросса в нос, а затем упал, получив подлый удар левой — в пах. Я был ниже их на полголовы, потому почти не пришлось нагибаться.

Третий все понял чуьтем уличной битой-перебитой дворняги и бросился наутек и за помощью — к недругу, остолбенело наблюдавшему за эпической битвой Давида и трех Голиафов. Но уйти не успел — подножка сзади, а потом — уже на земле, сверху вниз, в скулу, так, что хрустнули кости лица.

Недруг вкурил ситуацию позже всех, видимо потому, что не ожидал подобного результата — я не афишировал свои тренировки и старался не выделяться на физкультуре, хотя давно уже мог уделывать любого из одноклассников одной левой. Он бросился бежать. Но бежал как-то вяло, будто его не слушались ноги, и, когда я его настиг, упал на землю, зажал лицо руками и начал рыдать: «Прости! Прости! Не надо!»

Нет, я не могу себе соврать. Не простил. Хотя сейчас об этом вспоминать довольно-таки неприятно. Я измордовал парнишку так, что на следующий день его лицо напоминало окрашенную в желтый и синий цвета боксерскую грушу.

Был скандал. Было разбирательство. Если бы я ограничился только нанятыми за три рубля хулиганами — рты оппонентов не раскрылись бы с самого начала. Но у нанимавшего были родители — отец, директор овощной базы, мать, секретарь какого-то из начальников отдела городской администрации. Они желали моей крови, и маме стоило большого труда и больших интриг сделать так, чтобы сложилась правильная картина происшедшего — идет маленький мальчик, на него нападают трое здоровенных хулиганов, и он дает им отпор. Хулиганы повержены, а при попытке задержать организатора нападения пострадал главный участник событий, их организатор — сын директора овощебазы.

Мама потом рассказала — пришлось обрабатывать хулиганов, заставив их искренне рассказать — кто и почему нанял этих придурков, и стоило все это больших усилий — папочка пустил в ход мощный ка-